

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-603-621

Научная статья

«Песни кавказских горцев. Герои-нарты» Александра Кубалова: первый опыт русскоязычной стихотворной обработки осетинского народного эпоса

И.С. Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 363110, РСО-Алания, Пригородный район,
с. Михайловское, ул. Вильямса, д. 1

 shmiksel@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается первый опыт русскоязычной стихотворной обработки осетинских нартовских сказаний, предпринятый Александром Захаровичем Кубаловым и опубликованный в 1906 г. Отмечается особое значение рода и жанра произведений, принадлежащих именно осетинам, как продукта осетинского литературного сознания. Дается характеристика теоретических взглядов автора на генезис и поэтику нартовского эпоса; фиксируются — с учетом уровня современного Кубалову нартоведения — их недостатки и перспективные элементы. Специальному анализу подвергаются архитектоника произведения, состоящего из тринадцати не актуализируемых автором частей; система образов, включающая известных нартовских героев первого и второго плана, а также представителей пантеона и нижнего мира. Анализ композиции и сюжетно-мотивного состава показывает, что в нем нет глубокой обработки и концептуально обоснованного отбора сюжетов, который позволил бы избежать нежелательных тавтологий; событийные линии прорисованы с ориентацией на читателя, уже знакомого с основными героями и сюжетами осетинской нартиады. А.З. Кубалов значительно отступает от метрических характеристик оригинала, используя для своего переложения четырехстопный хорей «Калевалы» Элиаса Ленирота и «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло. Над стилистикой автора довлеют формальные параметры стиха, принуждающие его к маловыразительным построениям, его тексту свойствен определенный лексико-стилистический эклектизм. Сравнительная (по отношению к оригиналу) качественная новизна кубаловского эпоса заключается только в его стихотворной форме. Однако, несмотря на то, что А.З. Кубалову не удалось передать самобытности осетинского устного предания, он создал важный прецедент, значение которого особенно зримо в контексте эпохи рубежа XIX и XX вв.

Ключевые слова: осетинская русскоязычная литература, нартовский эпос, Александр Кубалов, перевод, обработка, сказание, цикл, композиция, стилистика, стихотворная форма

История статьи: поступила в редакцию 08.09.2022; принята к печати 04.10.2022

© Хугаев И.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Хугаев И.С. «Песни кавказских горцев. Герои-нартты» Александра Кубалова: первый опыт русскоязычной стихотворной обработки осетинского народного эпоса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 603—621. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-603-621

Research Article

“Caucasian Highlander’s Songs. The Nart heros” by Alexander Kubalov: The first experience of the Russian language poetic processing of the Ossetian folk epic

Irlan S. Khugaev

Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
1, Williams Street, village of Mikhailovskoye, Prigorodny district,
RNO-Alania, 363110, Russian Federation
 shmiksel@rambler.ru

Abstract. This article considers the first experience of the Russian language poetic processing of the Ossetian Nart sagas, carried out by Alexander Zakharovich Kubalov and published in 1906. It notes particular relevance to the appropriate sort and genre of works, belonging to the Ossetes, as a product, in a strict sense, of the Ossetian literary mind. The article describes the author’s theoretical views on genesis and poetics of the Nart epic; according to the level of his (that is the author’s) contemporary Narts studies, certain disadvantages and perspective elements are being outlined. The Nart heroes architectonics, which, as it turns out, consists of thirteen, non-distinguished by the author parts, the image that includes renowned Nart heroes, both principal and supporting characters, and also the Pantheon and underworld representatives, is subject to a specific analysis. An examination of plot-motivic composition reveals that there is no deep processing or any conceptually well founded selection of plots in A.Z. Kubalov’s work, which would have avoided tautologies; eventful lines are drawn the way as if the author was sure that the reader was familiar with main characters and motifs of the Ossetian Nartiade; the material of the source is explicitly compacted, however, it lacks proper faceting. When considering technical, pictorial and linguistic characteristics it appears that A.Z. Kubalov departs from the original metric features, using for his versification of Elias Lönnrot’s “Kalevala” and Henry Wadsworth Longfellow’s “The song of Hiawatha” tetrametric choree. It seems that the author’s stylistics is quite heavily influenced by formal parameters of the verse, which enforces him to use low-emphatic structures, and at last, his text tends to have lexical-stylistic eclectism. The comparative (in relation to the original version) qualitative novelty of Kubalov’s epic lies only in its poetical form. However, despite the fact that A.Z. Kubalov failed to convey the identity of Ossetian oral tradition he managed to set an essential far-reaching precedent, the significance of which is of particular importance in the context of the period at the turn of the 19th century.

Key words: the Ossetian Russian-language literature, the Nart epic, Alexander Kubalov, translation, processing, saga, cycle of works, composition, stylistics, poetical form

Article history: received 08.09.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Khugaev, I.S. 2022. “‘Caucasian Highlander’s Songs. The Nart heros’ by Alexander Kubalov: The first experience of the Russian language poetic processing of the Ossetian folk epic”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 603—621. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-603-621

Введение

В статье «Вторая жизнь нартов и даредзанов...» [1. С. 193—212], по преимуществу носившей обзорный и методологический характер и открывающей цикл статей, посвященный русскоязычным стихотворным переводам и обработкам осетинского народного эпоса, мы очертили историю проблемы, рассмотрели все явления этого рода в хронологическом порядке, систематизировали материал по ряду филологических параметров и наметили вопросы, требующие отдельного осмысления. Этому и посвящена наша статья.

Один из ключевых выводов, которыми мы завершили указанную работу, относился к особенному значению для осетинской культуры и литературного процесса тех обработок и переводов народно-эпических текстов, которые выполнены осетинами же, поскольку именно здесь актуализируется и наполняется смыслом как понятие русскоязычия в широком смысле, так и понятие осетинского национального литературного би- и транслингвизма.

Соответствующие тексты А.З. Кубалова, Г.Г. Малиева и Д.А. Гатуева — явление собственно осетинской культуры, Осетии как литературного субъекта. Они имеют форму, так сказать, прямой речи, а не опосредованного цитирования, в отличие от исследований и записей русских и европейских ученых — Ю.Г. Клапрота, Й.А. Шегрена, А.А. Шифнера, В.Ф. Миллера и русских переводчиков — С.М. Городецкого, В.А. Дынник, Ю.Н. Либединского, Рюрика Ивнева и др.

В этом ряду исключительную важность приобретает первый опыт, первый жанровый, методологический и языковой прецедент, который открывает в литературном процессе новые возможности и дает импульс к дальнейшему его развитию.

Обсуждение

Нартологические взгляды А.З. Кубалова

Первый опыт стихотворной обработки нартовских сказаний предпринял Александр Захарович Кубалов¹ (1871—1944), один из основоположников осетинской литературы, писатель-билингв, в разноплановом творчестве которого особое место занимают лиро-эпические и драматические произведения, написанные на основе материалов устной народной поэзии — романтическая поэма «Æфхæрдты Хасанæ» («Хасана из рода Оскорбленных», 1897²), сказания «Чермен» и «Зæронд Еса» («Старый Еса»), драматическая поэма «Смерть вождя Алгуза» и др.

¹ А.З. Кубалов родился в с. Старый Батакоюрт Северной Осетии в семье учителя; окончил Владикавказскую гимназию и юридический факультет Киевского университета; служил адвокатом.

² Это первое светское произведение осетинской литературы; «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») К.Л. Хетагурова был опубликован спустя два года.

Будучи членом Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, в делах которого принимал участие и В.Ф. Миллер [2. С. 164], Кубалов занимался литературной обработкой собираемых Обществом нартовских сказаний. В 1905 году во Владикавказе на осетинском языке был издан его сборник «Нарты таурагъта» («Нартские сказания»), а в 1906 — русскоязычные «Песни кавказских горцев. Герои-нарты»¹ (далее — «Герои-нарты»). Наряду со статьями «К вопросу о происхождении нартовских песен» и «К вопросу об осетинском стихосложении», а также неоконченной драмой «Амазонки на Терек» весь этот материал свидетельствует о глубоком и устойчивом интересе Кубалова к специфике национального искусства, к национальному фольклору и мифологии, который лишний раз характеризует поэта как романтика по темпераменту и мировоззрению.

А.З. Кубалов был весьма образованным и разносторонне одаренным человеком, не только талантливым художником, но и гуманитарием; его интерес к вопросам генезиса и поэтики осетинского героического эпоса нашел отражение в Предисловии к «Героям-нартам», озаглавленном как «Осетинский народный эпос. Заметка» (далее — «Заметка»), в затекстовых «Примечаниях» и позднейшей, написанной уже в советский период статье «О происхождении нартовских песен». Однако так или иначе во всем, что он написал о нартах и нартиаде, сказывается объективно низкий уровень осетинской фольклористики того времени.

Так, в «Заметке» 1906 г. А.З. Кубалов, представляя свои поэтические нартовские сказания, прибегнул к переложению вводных пассажей из работы В.Б. Пфаффа «Материалы для древней истории осетин» (1871): «Большее объяснение о них (нартах. — *И.Х.*), дают историки и лингвисты, занимающиеся сказаниями о них с научной целью, — пишет Кубалов. — По заключениям их — еще в ту эпоху, когда в горах Кавказа еще дымились вулканы (сказание о небесном кузнеце Курдалагоне), нарты как сильная народность пришли из Средней Азии в Европу и своим появлением среди дикого горского населения произвели такое глубокое впечатление, что и поздние потомки вспоминают о них, воспевая их доблесть, как донныне природные жители Америки воспевают доблесть „белых богов“, пришедших из-за моря, — испанцев, сопровождавших Кортеса и Пизарро. При сходстве во многом сказаний о „белых богах“ со сказаниями о титанах и нартах есть между ними и та важная разница, что в Америке сказания о „белых богах“ кончаются победой „белых“, то есть европейцев, в Европе же и на Кавказе сказания о титанах и нартах кончаются гибелью их. Отважные сокрушители неба исчезли: Прометей был прикован к Кавказской скале, а нарт Батраз за дерзкое посягательство против духов был сражен небесным Бальсагом. Говоря иначе, в Америке европейская цивилизация осталась победительницей, в Европе же и на Кавказе древняя цивилизация Средней Азии была задавлена превосходным числом туземцев. Все же древние нарты долго и жестоко боролись с туземцами и даже между собою. Это видно из критического разбора подлинных сказаний о нартах, каковы сказания о Батразе и Бурафарныге, о Батразе и Сайнаге, о мести Батраза

¹ Кубалов А.З. Песни кавказских горцев. Герои-нарты. Владикавказ: Типо-литография З.И. Шувалова, 1906.

нартам и др. Наконец они были побеждены, упали до уровня туземцев и смешались с ними, еще в достаточном числе, чтобы сохранить следы своего происхождения»¹.

Явно опираясь на Пфаффа и воспроизводя его построения, Кубалов не указывает источник; уже сама по себе возможность такого небрежного решения вопроса показывает, что мы имеем дело с начальными шагами осетинского нартоведения. Не отличаются строгостью отношения к предмету и «Примечания» Кубалова, которые сводятся в основном к самым общим сведениям по нартовской ономастике, иногда весьма спорным и неточным (как, например, этимологизация имени Сырдон из «сырд» (зверь) и «дон» (вода) — «речной зверь»).

Вот соответствующий — и по общему течению мысли, и по частным формулировкам — фрагмент из В.Б. Пфаффа: «Праотцы осетин принадлежали к великой семье народов, населявшей, вместе с некоторыми семитическими племенами, Иранское плоскогорье и, вероятно, называвшей себя общим именем Ирон, или Ары (Арии Геродота. Прим. Пфаффа. — *И.Х.*). ...Выселившись в Европу... некоторая часть этого народа своим появлением среди дикого горского населения и семитов, населявших тогда Кавказ, произвела тогда такое глубокое впечатление, что и поздние потомки вспоминают об них, воспевая их доблесть, подобно тому как донныне природные жители Америки воспевают доблесть белых богов, пришедших из-за моря, — испанцев, сопровождавших Кортеса и Пизарро. Сравнивая народные сказания о титанах, азах и нартах с подобными же народными сказаниями Америки, мы находим в них много сходного, но вместе с тем те и другие расходятся в одном важном пункте. В Америке сказания о белых богах кончаются победою последних, в Европе же, и в особенности на Кавказе, напротив... Древние нарты долго и жестоко боролись с туземцами и даже между собою... Наконец, они были побеждены, упали до уровня туземцев и смешались с ними, впрочем — в достаточном числе, чтобы сохранить ясные и до сих пор проявляющие следы своего мидо-персидского происхождения» [3. С. 8—10].

В.И. Абаев рассматривает это имя как «образованное с помощью суффикса *-on* от осет. *syrd, sird* «зверь» [4. С. 251].

К относительно оригинальным пунктам вспомогательного аппарата «Героев-нартов» (вводных «Заметок» и затекстовых «Примечаний») относится лишь 1) указание вариативности нартовских сюжетов, запутанности родословной (героев) и разного рода «анахронизмов»; 2) сравнение поэтики осетинских и кабардинских нартовских циклов; 3) фиксация пафоса и главной идеи нартиады: «Горец твердо верит в действительность жизни и подвигов героев-нартов, и сказания о них, в отличие от сказок и басен, названы „событиями“, „хвалебными песнями“... По представлению горцев, нарты были одарены громадной силой, сами боги боялись их и редко отказывали в просьбах; все предсказанное нартами сбылось или сбывается; но потом нарты возгордились, перестали чтить богов и даже пошли на них, за что и погибли».

¹ Кубалов А.З. Осетинский народный эпос. Заметка // А.З. Кубалов. Песни Кавказских горцев. Герои-нарты // Кубалты А.З. Уацмыстæ (Кубалов А.З. Сочинения). Орджоникидзе: Ир, 1978. С. 64—65.

Более содержательна статья А.З. Кубалова «К вопросу о происхождении нартовских песен». Но надо отметить, что статья эта носит несколько сбивчивый характер. В начале ее автор вроде бы заявляет некоторое развитие представлений о Нартах как культурном памятнике, делая, надо думать, попытку объяснить свое раннее «пристрастное» отношение к Пфаффу: «Несостоятельность этой теории (о нартах как пришлом народе, совершенно чуждом кавказским горцам. — *И.Х.*) замечалась и раньше, и если приводили ее в сборнике песен о нартах, то лишь для того, чтобы дать хоть какое-нибудь объяснение о них». При этом Кубалов вновь оставляет без пояснений вопрос, о какой именно теории он говорит, а несостоятельность ее обосновывает довольно туманно, так что остается неясным, в чем именно его понимание вопроса отличается от исходного. Переходя к непосредственно к предмету статьи, автор выдвигает предположение о том, что нартовские сказания — «суть части древних песен о борьбе Ирана с Тураном, собранных и обработанных Фирдоуси в знаменитой царственной книге Ирана „Шах-Наме“» (Книга царей) [5. С. 204—205], обосновывает этот тезис двенадцатью сюжетными параллелями и делает главный вывод: «1) ...песни о нартах не заимствованы нами у других народов, а перешли с нашими предками из древнего Ирана, а с предками кабардинцев — из Турана; и 2) ...песни эти воспевают отдаленную борьбу Ирана с Тураном» [5. С. 208]. Значение статьи А.З. Кубалова оценивается в осетиноведении неоднозначно. Если В.А. Кузнецов говорит, что «положения А.З. Кубалова... ныне представляются своего рода библиографическим курьезом... Научного значения они не имеют» [6. С. 9], то И.Т. Цориева считает, что первые работы «молодой осетинской фольклористики», к которым относится и статья Кубалова, «содержали ряд оригинальных положений, которые были использованы и развиты последующими исследователями осетинского эпоса» [7. С. 18]. Во всяком случае, осетино-персидские эпические связи, к которым Кубалов обратился на заре осетинской фольклористики, сегодня выступают одним из перспективных направлений в нартоведении [8. С. 234; 9; 10. С. 23—31].

Как бы то ни было, имя А.З. Кубалова прочно вошло в историю нартоведения. Его работа обсуждалась на заседаниях упомянутого выше Общества по распространению... [11. С. 4]; В.И. Абаев упоминает его в числе писателей, предпринявших опыт поэтической обработки нартовских сказаний [12. С. 146]; неизменно упоминают вклад А.З. Кубалова в развитие нартологии современные фольклористы и исследователи истории научного осетиноведения — Н.К. Мамиева [13. С. 24], Ю.А. Дзиццойты [14. С. 229; 7. С. 234], В.А. Мамонова [15], Л.К. Гостиева [16. С. 47—59], И.Т. Цориева [6. С. 14—25] и др. При этом, однако, у нас нет методичного, строго филологического рассмотрения текста А.З. Кубалова как идейно-художественного целого.

Пожалуй, только Н.Г. Джусойты дал литературоведческую оценку «Героям-нартам», при этом весьма общую и на осетинском языке, ввиду чего она так и не вошла в научный оборот. «Переложив на стихи сюжеты осетинского эпоса, — писал Джусойты, — наш поэт не привнес в эпическую традицию ничего нового. Впрочем, он и не считал это своим долгом. Он стремился лишь придать главным сюжетам эпоса стихотворную форму, сохранив их в том виде, в каком они бытуют в народе. И этой цели он вполне достиг. Хотя, надо сказать, адекватной поэтической формы он не нашел, и остановился на той, которую использовал Лонг-

фелло в „Гайавате“, а точнее, на версии ее переводчика на русский язык Бунина. Сегодня это выглядит не слишком верным решением. Тем более, что, когда в 30-е гг. Александр [Кубалов] вновь обратился к переводу нартовского эпоса, он избрал уже другую форму¹. Но к нашему делу это не имеет отношения. Посредством своего перевода Александр [Кубалов] познакомил с нартовским эпосом целый мир, и мы за это должны быть вечно ему благодарны. Что касается не вполне удачного выбора стиха, то он был обусловлен и низким уровнем научной разработанности нартовского эпоса. Я не упрекал бы в том поэта» [17. С. 14] (Пер. с осет. наш. — *И.Х.*).

В то же время сам А.З. Кубалов в предисловии к «Героям-нартам» вполне ясно излагает видение предмета: «...у горских племен и даже у одного и того же племени, — пишет Кубалов, — существует масса вариаций этих сказаний... родословная спутана, анахронизмы ужасные; на арене действий являются даже казаки и пушки; и задача обработки сказаний заключалась в оценке и выборе подлинных сказаний от наслоений позднейшего времени и приведении их в некоторую систему, ибо предложить читателю все вариации — значит ничего ему не дать, кроме хаоса». Иными словами, декларируемые автором задачи не соответствуют замечанию Н.Г. Джусойты о том, что Кубалов стремился переложить нартовские сюжеты на стихи в том «виде, в каком они бытуют в народе», что он все-таки ставил задачу положительной обработки эпоса на всех уровнях.

Посмотрим, насколько он в этом преуспел, насколько композиция, сюжетика, культурное целеполагание и общий тон кубаловских сказаний соответствуют авторским пролегоменам, и, тем самым, дешифруем общие наблюдения проф. Джусойты.

Архитектоника и система образов

Эпос А.З. Кубалова включает 38 нартовских сказаний, снабженных «Предисловием» «Осетинский народный эпос. Заметка» и затекстовыми авторскими «Примечаниями». Композиционно текст представляет собой последовательный, отвечающий генеалогии главных героев, цикл сказаний и охватывает бытие нартов от встречи Дзерассы с Уастырджи (Ахсар и Ахсартаг уже мертвы) до гибели Созрыко / Сослана от Колеса Балсага; в нем нет вводных космогонических построений, нартовской яблони, этой осетинской Иггдрасили, и «апокалиптического» сюжета о всеобщей гибели нартов. Тем не менее, будучи, очевидно, увлечен работой, в «Примечаниях» к тексту сказаний Кубалов предлагает две строфы, отражающие финальную сцену жизни нартов:

И разгневались на Нартов
Боги мощные тогда
Да на них наслали голод...
Хлеб в полях не наливался,
Не плодилась и скотина,
Дичь в горах пропала вся.

Нарты с голода в ныхасах,
Точно бревна, развалились,
Не поднимут ног своих, —
И Сырдона сука злая
Через ноги их шагает
Лижет бороды у них.

¹ К этому вопросу мы вернемся при рассмотрении формальных параметров текста А.З. Кубалова.

Внутренняя циклизация сказаний вокруг основных героев эпоса — Дзерассы, Шатаны, Урузмага, Хамыца, Сырдона, Сослана, Батрада, Ацамаза — структурно никак не выражена. Автор определенно стремится выстроить последовательную линию повествования; зачастую главы эпоса имеют четкую событийную связь; но это достигается главным образом там и тогда, где и когда главы представляют собой структурные части одного сказания или ряд последовательных сказаний одного цикла. В остальных случаях переводчик не проявляет особой заботы о связях и композиционной соразмерности.

Если попытаться сгруппировать главы линейного кубаловского повествования в более крупные структуры, мы получим следующую картину.

1. *Цикл Дзерассы*: «Красавица Дзерасса» — «Урузмаг¹ и Хамыц» — «Рождение Созрыко» — «Рождение Сырдона» — «Рождение Сатаны».

2. *Цикл Шатаны и Урузмага*: «Вещая Сатана» — «Женитьба Урузмага».

3. *Цикл Батрада* (начало): «Рождение Батрада».

4. *Две отдельные главы* «Пир богов» и «Тутыр и Аларды».

5. *Цикл Батрада* (продолжение): «Красавица Косер» — «Починка руки Батрада» — «Закалка Батрада» — «Алаф — сын Афсарона» — «Кривой Афсарон».

6. *Отдельная глава* «Ацамаз — сын Ацай».

7. *Цикл Созрыко* (начало): «Скальпы Созрыко» — «Елтаган — сын Куцыка» — «Мукара — сын Тара» — «Челахсартаг — сын Цуана» — «Ацырухс — дочь Солнца» — «Созрыко в загробном мире» — «Чудеса царства мертвых» — «Женитьба Созрыко».

8. *Цикл Тотрада*: «Тотрад — сын Албега» — «Игры нартов» — «Барастыр — царь мертвых».

9. *Отдельная глава* «Смерть Сослана».

10. *Отдельная глава* «Смерть Хамыца».

11. *Цикл Батрада* (завершение): «Бурафарныг» — «Челехсан — сын Хуза» — «Владелец Сайнаг» — «Мечь Батрада нартам» — «Смерть Батрада».

12. *Отдельная глава* «Сырдон — сын Батага».

13. *Цикл Созрыко* (завершение): «Небесный Бальсаг» — «Кайтар и Битар» — «Смерть Созрыко».

Таким образом, 38 глав кубаловского эпоса циклизуются в 13 разделов. Наиболее полно представлены циклы Созрыко и Батрада (объективно выступающих наиболее популярными героями Нартиады). При этом характерно, что циклы Созрыко и Батрада не исчерпываются в рамках одного раздела: линия Созрыко развивается в разделах 1, 5, 7, 13, а линия Батрада — в разделах 3, 5, 11. Классические циклы нартиады у Кубалова прерываются один другим либо отдельными главами, событийно с ними не связанными. Возможно, Кубалов предполагал тем самым реализовать принцип свободной романтической композиции, но объективный результат не выглядит слишком убедительным.

Среди героев первого плана более или менее видную роль играют в повествовании Уархаг, Дзерасса, Шатана, Урузмаг, Хамыц, Сырдон и Ацамаз, хоть они и не становятся, за исключением Дзерассы, центрами циклизации самостоятельных

¹ В части личных имен мы сохраняем орфографию А.З. Кубалова.

разделов. Дзерасса, как прародительница нартов, выступает только в разделе 1 и сходит со сцены; Шатана и Урузмаг, образуя отдельный и весьма усеченный цикл (раздел 2), играют видную роль на протяжении всего текста, Сырдон, «хитрость земли и коварство неба», выступает спорадически, и лишь в одной отдельной главе (раздел 12) — как главный герой, а Ацамаз, этот «осетинский Орфей», появляется лишь раз (раздел 6), причем далеко не в самой характерной ипостаси.

Среди второстепенных персонажей эпоса у Кубалова действуют Тотраз, Бурафарныг, Челехсан / Челахсартаг, Сайнаг и сыновья Созрыко Кайтар и Битар; особое место занимает в этом ряду Тотраз, тема которого развивается в рамках самостоятельного цикла (раздел 8), состоящего из четырех глав.

Деление нартовского общества на три рода (фамилии, клана) А.З. Кубаловым проигнорировано, хотя оно представляет собой одну из концептуальных и имманентных особенностей осетинской нартиады, послужившей основой так называемой трифункциональной теории Ж. Дюмезиля [18. С. 165—173]. На трехсоставной структуре нартовского народа можно было «сыграть» при систематизации и обработке материала. В «Героях-нартах» упоминаются лишь фамилии Бораевых (Бората) и Ахсартаговых (Ахсартагата), и не зафиксирован род Алагых (Алагата) [19].

Широко представлены в «Героях-нартах» боги-небожители, духи, великаны, черти (хайраги), и некоторые персонажи не-антропоморфной природы.

Герои осетинского мифологического пантеона собраны в сцене классического «Пира богов», во время которого небожители одаривают нартов щедрыми дарами. Это Уастырджи, «лихой покровитель мужчин», Сафа, «бог цепи надочажной», Уацилла, «бог молнии и грома, подающий дожди», Афсати, «покровитель зверей», Фалвара, «бог коз и баранов круторогих», Курдалагон, «бог кузницы небесной», Галагон, «повелитель ветров», Донбеттыр, «бог царства водяных». В отдельной главе в рамках того же раздела 4, посвященного богам, представлены «волчий покровитель» Тутыр и «бог болезней» Аларды [17. С. 78—84]. Кроме того, действует у Кубалова и Барастыр, «царь мертвых», а также некий безымянный «горный дух» и «речной дух» Гатаг. Это герои, с которыми связано в эпосе все волшебное и над-человеческое, роковое.

Кривой Афсарон, его сын Алаф, Мукара, Елтаган и другие представляют низший, темный мир «великанов-людоедов». К ним по своей идейно-композиционной функции (как сила, враждебная нартам) примыкает Балсагово Колесо, хотя и состоит на службе у небожителя Балсага.

Кубалов предпочитает давать своим главам-сказаниям лаконичные заголовки по именам главных действующих лиц; при этом содержание глав сводится, как правило, к классическим сюжетам осетинской нартиады, известным в народе по другим названиям. Так, в главе «Ацамаз — сын Ацая» излагается сюжет сказания о том, как нарты делили шкуру лисицы, в главе «Сырдон — сын Гатага» — сказания о том, как Сырдон спас именитых нартов и т.д. Так или иначе у Кубалова налицо все типичные сюжеты нартиады как героического эпоса: волшебное рождение героя — закалка (инициация) — добывание жены (состязание за невесту) и женитьба — героические деяния (приключения на охоте, месть, победа над врагами — великанами, злыми духами) — смерть героя. Эти традиционные схемы более или менее полно реализуются в циклах Созрыко и Батраза.

Уже общий взгляд на архитектонику кубаловского эпоса позволяет установить, что здесь нет глубокой обработки и концептуально обоснованного отбора сюжетов, который позволил бы избежать нежелательных мотивных тавтологий. Таков, к примеру, мотив гибели героя от Колеса Балсага. От последнего при сходных обстоятельствах (неудача Балсагова Колеса при первой попытке, его бегство и в конечном счете использование «ахиллесовой пяты» героя) гибнут и Батраз, и Созрыко (у первого при закалке осталась незакаленной кишка, у второго — колени), тогда как, очевидно, это две версии одного древнего сюжета с переменной главного героя:

Подкосились ноги нарта
И упал он, — колесо
Обратилось на Батраза
И добило там его

Незамеченным подкралось
Вдруг Бальсага колесо,
Стальноглазому мгновенно
Обе ноги отсекло

Иными словами, как композиция, так и система образов в определенном смысле лишены прозрачности, которую мы были бы вправе ожидать от устройства эпической поэмы (во всяком случае, от результата положительной обработки): в тексте Кубалова наряду с Сосланом действует и Созрыко, этот «богатырь-двойник» [4. С. 250] Сослана с именем явно адыгского происхождения, усвоенным осетинскими сказителями в результате обратного заимствования [12. С. 171—172]. Причем адыгский Созрыко в «Героях-нартах» Кубалова полностью оттесняет аутентичного Сослана на периферию. Созрыко выступает главным героем в событиях, которые в классических осетинских версиях сказаний связаны с Сосланом: рождение из камня, поединок с Тотразом, путешествие в Царство мертвых, гибель от Балсагова Колеса и пр. И это притом что героя, действующего под именем Сослана, мы встречаем лишь в двух сказаниях — «Пир богов» (раздел 4) и «Смерть Сослана» (раздел 9). Таким образом, последний (Сослан) мог бы и должен был быть исключен из авторской версии сказаний, или же Созрыко должен был, ради чистоты жанра, быть назван Сосланом.

Аналогичное положение наблюдается и в отношении другой пары героев — Челехсана (раздел 11) и Челахсартага (раздел 7). Контаминация явная тем более, что именно последний известен в нартовской традиции как сын Хыза / Хуза, нередко владельца одноименной крепости (Хыз). И если Челахсартаг лишается в схватке с Созрыко только части черепа, а Челехсан — целой головы от руки Батраза, то очевидно, что это также различные меры одного и того же ущерба и различные версии одного мотива.

Очевидно, таким образом, что Кубалов «множит сущности» без сколько-нибудь серьезных художественных оснований, что он не поработал над сырьем устного предания пресловутой бритвой Оккама.

Внутренняя композиция. Цикл Дзерассы

Чтобы увидеть ткань «Героев-нартов» в более крупном масштабе, рассмотрим композиционные связи и поэтические построения внутри кубаловских циклов. Возьмем для этого первый, повествующий о Дзерассе.

В нартовских сказаниях Дзерасса — дочь водного божества Донбеттыра; в зачине осетинской нартиады Дзерасса, превращаясь по ночам в голубку, повадилась летать в сад нартов и красть плоды чудесной яблони. Сыновья Уархага, братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг, ранив голубку, идут по ее кровавому следу, который обрывается на морском берегу. Младший из братьев, Ахсартаг, отправляется на морское дно; там, попав в замок Донбеттыра, он исцеляет умирающую Дзерассу с помощью нартовского яблока, а затем женится на ней. Спустя некоторое время Ахсартаг и Дзерасса возвращаются на сушу. Дом, построенный на берегу братом Ахсаром, оказывается пуст: хозяин в это время в отлучке, на охоте. Ахсартаг оставляет молодую жену в доме, а сам уходит на поиски брата. Братья, по воле судьбы, разминувшись: Ахсар, вернувшись первым, застаёт у себя незнакомую девушку; Дзерасса, будучи уверена, что перед ней ее муж, льнет к нему, в это время возвращается Ахсартаг и в приступе ревности обнажает меч. В схватке братья погибают.

Такова вкратце великолепная драма, полностью опущенная Александром Кубаловым. Алгоритмы подобной избирательности (в той или иной мере характерные для других сюжетных линий «Героев-нартов») не совсем понятны и, во всяком случае, не оптимальны.

Как бы то ни было, «Герои-нарты» начинаются с плача Дзерассы:

На берегу морском стояла
Белолицая Дзерасса
Ясным вечером одна
И роняла в волны моря
Слезы белые она.
Увидал ее с вершины
Поднебесной горный дух,
Улыбнулся он лукаво
И предстал пред нею вдруг.
«Почему ты плачешь горько,

Белолицая краса? —
Так красавицу спросил он, —
В этом возрасте смеяться,
Веселиться ты должна».
И ответила Дзерасса:
«Вот сразились здесь и пали
Нарт Ахсар и Ахсартаг,
Дети старого Уархага.
Не поступим по адатам,
Если их оставим так».

Как сцена, открывающая эпос, это вполне эффектно (мы не говорим пока о техническом исполнении), но закономерные вопросы, которые данная сцена вызывает, так и не получают ответа при дальнейшем чтении. Кто были для Дзерассы Ахсар и Ахсартаг? Что произошло между ними? Почему они мертвы?..

Согласился дух небесный:
Землю тронул лишь кнутом,
Как явились две могилы.
В них покойных схоронили,
И к красавице Дзерассе
Устремился дух потом.
«Гей ты, красная девица!
Я давно смотрю с горы
Поднебесной, белоснежной,
И меня пленила ты».

Испугалась Дзерасса
И ответила она:
«Подожди же, я немного
Здесь в воде морской умоюсь,
А потом уже твоя».
Подбежала и нырнула
В море; он же, полубог,
Так осмеянный Дзерассой,
Все смотрел на волны моря
И опомниться не мог.

Казалось бы, сказания Кубалова, коль скоро они написаны на русском языке, предназначены для ознакомления с ними русского (русскоязычного) читателя, но при этом его событийные линии прорисованы так, словно автор уверен, что читатель уже знаком с основными героями и сюжетами осетинской нартиады.

Последнее наблюдение неоднократно подтверждается и позже. Посмотрим, как выполнена сцена зачатия и рождения Созрыко.

Солнце раннее всходило:	И заметила, что бухнет
За село пошла Дзерасса,	Близ стоявшая скала.
И ее заметил дух;	Догадалась тут Дзерасса,
Он узнал ее сейчас же,	Что недаром камень бухнет;
И предстал пред нею вдруг.	Пригласила мощных нартов;
Испугалась и метнулась	Как рассыпали его, —
Быстро в сторону она,	Покатился вдруг на землю
Белолицая Дзерасса,	Красной искрой Созрыко.

Для читателя вовсе не очевидно, что дух, заметивший Дзерассу за селом, и есть тот самый «горный дух», от притязаний которого героиня однажды укрылась в море. Даже если дух «узнал ее сейчас же», читатель не обязательно узнаёт духа. И уж тем более читателю трудно связать «бухнувший» камень с вожделением духа, если только он не знаком с какой-нибудь версией первоисточника, который с языческой откровенностью рассказывает о том, как Уастырджы (либо безвестный пастух, либо Сосаг-Алдар) в приступе страсти к Дзерассе (либо Шатане) оплодотворяет камень, из которого рождается герой — либо Сослан, либо Созрыко.

Во многом аналогичным образом интерпретируется и мотив рождения Сырдона.

...И Дзерасса за водой	Будь наложницею вечной,
Побежала, но из речки	А не то не дам воды».
Сам Батаг ей улыбнулся, —	(...)
Волокита, дух речной.	И пошла к реке Дзерасса,
Глаз прищуриив, говорил он:	Ведро с чашей понесла
«Белолицая Дзерасса,	И родила там Сырдона
Полюби ж меня и ты;	Нарта славная жена.

Текст Кубалова не передает аутентичной эпической атмосферы той древности, которая во многом стоит еще по ту сторону добра и зла и игнорирует мораль; кажется, что автор испытывает затруднения в интерпретации материала, что он стеснен своей темой и избегает подробностей. Можно предположить, что насчет этой ложной стыдливости следует отнести и предпочтение Кубаловым невнятного «горного духа» святому Уастырджы: возможно, Кубалов не хотел вводить в подобный сюжет образ чтимого в Осетии небожителя, даже если при этом несла ущерб родословная славного Созрыко.

Далее следует последняя глава цикла, воспроизводящая «потусторонний» сюжет зачатия и появления на свет главной героини эпоса — «Рождение Сатаны»:

Состарилася Дзерасса
И, предчувствуя кончину,
Говорила: «Сыновья!
Обманула я когда-то
Духа горного при море,
И сердит он на меня.

Здесь задеть меня боялся,
Но осилит в царстве мертвых,
И прошу вас: как умру,
Вы ходите на могилу,
Да не спите до рассвета,
Сохраните честь мою».

Между прочим, заметим, что на самом деле Дзерасса обманула «духа горного» не только «при море», но и «за селом», что стало причиной рождения (из камня) Созрыко: такое противоречие не способствует ни эстетическому, ни умственно-му переживанию сюжета. Как бы то ни было, «горному духу» хитростью удается проникнуть в склеп Дзерассы в ночь, когда на страже стоял ветреный Хамыц, а утром Нарты услышали в склепе плач младенца.

Поскольку эти события — преследование (домогательства) Дзерассы со стороны сперва духа горного, затем духа речного и чудесное рождение Созрыко, Сырдона и Шатаны — стоят в непосредственной близости, они создают впечатление некой тенденциозной программы, по которой необходимо произвести на свет главных героев эпоса. Материал источника явным образом уплотняется, но остается без должной огранки.

Стих, стиль и язык

Теперь рассмотрим текст с наибольшим разрешением, чтобы уяснить его технические, изобразительные и языковые особенности.

Прежде всего надо отметить, что А.З. Кубалов значительно отступает от метрических характеристик оригинала (имеется в виду традиционная форма нартовского кадага как «хвалебной песни»), используя для своего переложения четырехстопный хорей «Калевалы» Элиаса Ленирота и «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло; как нам представляется, переводчик вполне сознательно стремился вписать свои нартовские сказания в эту линию мировой эпической традиции (неслучайно он, как мы видели, упоминает во вступлении о песнях «природных жителей Америки»). Особенность кубаловского стихосложения состоит в свободно варьируемом строфическом делении текста (строфа включает от четырех до десяти строк), в усечении последней стопы в некоторых стихах, в наличии одной пары рифмующихся строк на каждые четыре (abcb) или пять (abcdb) стихов. Ср.:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню...
Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды

С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу..

Говоря о стихотворной форме «Героев-нартов» как о не вполне удачной, Н.Г. Джусойты, как мы указали выше, вспоминает форму позднейшего (1930-х гг.)

переводческого опыта А.З. Кубалова [17. С. 281]. Речь идет об отдельном сказании «Созрыко в загробном мире», написанном четырехстопным амфибрахийем:

И вот он спустился, нарт смуглый, отважный
В подземное царство ни ночью, ни днем,
А ранним рассветом, — меж мраком и светом,
По горным семи ли ступеням широким
Верхом на коне, на Дурдуре своем...

Такая метрика более адекватна кадагу (популярный у сказителей 9-сложный стих), как и в целом осетинской народной поэзии, но качество поэтической речи при этом несколько не выигрывает; по нашему мнению, Джусойты напрасно ссылаются на этот текст как на более успешный образец. Интересно заметить, что последнее русскоязычное сказание Кубалова близко по форме к его осетиноязычным нартовским переложениям 1905 г.:

Сырдагур цыдысты
Уархагæн йæ фырттæ —
Æхсар æмæ 'Хсартаг нартон.
Фæлæ сæм кæм уагъта
Йæ фосы хастагмæ
Æфсати сызгæрин, æрвон

Охотой на зверя промышляли
Сыновья Уархага —
Ахсар и Ахсартаг нартовские.
Но не подпускал к ним
Зверей своих близко
Небесный золотой Афсати.

(Подстрочный пер. с осет. наш. И.Х.)

Осетиноязычные «Герои-нарты» Кубалова (которым, кстати, предпослан эпиграф из А.С. Пушкина — «Дела давно минувших дней, / Преданья старины глубокой»), гораздо менее объемны, чем русскоязычные, и не дублируют их ни содержательно, ни композиционно. Очевидно, здесь преследовались более серьезные художественные цели; можно предположить, что, если бы автор закончил свою работу, это был бы весьма значительный вклад в осетинскую национальную культуру. Но, очевидно, на каком-то этапе приоритетными для Кубалова стали задачи интернационального значения.

Рифмуются у Кубалова исключительно строки с усеченными стопами (т.е. мужские); при этом рифмы большей частью неточные (или приблизительные): колесо — отсекло, водой — речной, борода — голова, стран — Елтаган, вчера — навсегда, сто — Скалбицо, изьян — Челехсан, вдруг — зуб, готов — жеребцов и т.п. Кроме того, здесь налицо обилие глагольных (запрягли — привезли, уличить — отомстить, блеснул — надул и т.п.) и местоименных (я — меня, ты — мы, их — твоих, ей — своей и т.п.) рифм, также наводящих на мысль, что в замысел Кубалова не входила особая изобретательность в части рифмовки. Рифмовка, строго говоря, довольно сомнительная, на грани небрежности, которую нельзя оправдать формальными характеристиками осетинских нартовских кадагов, в которых рифма отсутствует, хотя некоторое впечатление рифмовки достигается благодаря тому, что в смысловой ударный конец строки помещается глагольное сказуемое с выраженной созвучной морфологией. Для читательского восприятия неточные рифмы, чем бы они ни обосновывались, контрпродуктивны; отсутствие рифмы лучше ее неточности.

В работе над стилистическим оформлением сказаний Кубалов исходил из того, что они «не отличаются красотами языка, слишком скудны эпитетами, но поражают обилием поговорок, своеобразным объяснением физических явлений и происхождения культа тех или иных священных мест» [4. С. 65]. В этом пункте, вероятно, он не хотел отступать от подлинника. Соответственно, язык кубаловских «Героев-нартов» довольно лаконичен (с некоторыми лексическими архаизмами, призванными придать изложению некий классический (романтический) оттенок: брег, ветер, почивать, поведать, погубить, собраться, очи, уста, любезный и т.п.) и, будучи не обременен сложной образностью, характерен набором повторяющихся эпитетов (нарты «славные, лихие», Дзерасса «белолица», Созрыко «смуглый, стальногоглазый» и т.п.). Однако нельзя не заметить, что над стилистикой Кубалова довлеют формальные параметры стиха, принуждающие его то к маловыразительным инверсиям («Мне ль на игры не явиться? / Не красив ли на коне / На отцовском и его же / При булатном я мече?»), то к вольностям с ударениями («Состарилася Дзерасса», «Приказал крикуну нартов», «Обе ноги отсекло», «Спицу битую заново»), то к неубедительным неологизмам («Из рогов туриных пили»), то к допущениям, звучащим почти юмористически («Шить себе задумал шубу — / Не хватает матерьял»).

Как мы помним, Кубалов отмечал наличие «ужаснейших анахронизмов» и «наслоений позднейшего времени» в «сырье» нартовских сказаний; тем не менее результату его работы также свойствен определенный лексико-стилистический эклектизм. У него нет *казаков* и *пушек*, зато налицо *чувяки*, *лапти*, *черкески*, *папахы*, *ведра*, *дровишки*, *детушки*, *адаты*, *калым*, *кунак* и т.п., что лишает его текст четкой культурной аутентичности; сюда же следует отнести используемое переводчиком обращение *гей*, *ты (вы)* (*Гей ты, красная девица! Гей вы, детушки мои! Гей ты, дед наш! Гей, лихие великаны! Гей вы, предки! Гей ты, хмель мой золотистый!* При этом, стоит заметить, Кубалов избегает лексического пласта, который мог бы придать его «Героям-нартам» и должны декорации, и желательную эмоциональную тональность: «уаиг» (великан, циклоп), «дзуар» (святилище, дух, небесный покровитель), «фандыр» (струнный музыкальный инструмент), «Уацамонга» (волшебная чаша нартов) и т.п. Не зря В.Я. Пропп упрекал Рюрика Ивнева за рифмы в его переводе нартовских сказаний: «...рифма как раз и нарушает дух оригинала, обилие таких „рифм“, как „внезапно“ и „нарта“, „громко“ и „ребенок“ и т.д., не только не способствует „легкости“ восприятия, но заставляет читателя на каждом шагу спотыкаться» [20. С. 353–354].

Данные наблюдения свидетельствуют в пользу предположения, что если А.З. Кубалов вольно или невольно жертвует иранизмами (собственно осетинскими понятиями первоисточника), то ради более традиционного русского, то ради общекавказского антуража и звучания. Первая часть названия его эпоса — «Песни кавказских горцев...» — опосредованно это подтверждает.

Выводы

Подводя итог нашему исследованию, необходимо прежде всего ответить на вопрос о жанровых признаках текста А.З. Кубалова. В.И. Абаев, как мы помним,

относил «Героев-нартов», наряду с произведениями Г.Г. Малиева и С.М. Городецкого, к опытам «поэтических обработок» нартовского эпоса. Однако уже с учетом принципиальных жанровых различий отмеченных им прецедентов такая квалификация для наших задач выглядит слишком обобщенно.

Исходя из общепринятого представления о том, что литературная обработка — это запись устного повествовательного материала, обработанная идейно, композиционно и стилистически, логично ставить вопрос о положительной степени и глубине переосмысления и реконструкции «сырья» устного нартовского предания в «Героях-нартах» А.З. Кубалова. В таком случае надо отметить следующие моменты.

Очевидно, что в «Героях-нартах» отсутствует единство действия, которое мы были бы вправе ожидать от авторской эпической поэмы или стихотворного эпоса. Мы могли бы предположить, что «Герои-нарты», таким образом, представляют собой попытку полного стихотворного перевода цикла сказаний, имевшихся в распоряжении Кубалова, и по неизвестным причинам оставшегося незавершенным. Но против такой гипотезы говорят некоторые явные признаки избирательности, в частности, отсутствие перевода начальных сказаний, связанных с яблоком нартов. Иначе говоря, начало «Героев-нартов» — «Плач Дзерассы» — выглядит так, будто у Кубалова есть своя эпическая концепция, некий оригинальный замысел, но дальнейшие построения этого не подтверждают, а финал — «Смерть Созрыко» — вовсе не выглядит концептуально предопределенным и подводящим под «Героями-нартами» черту.

Очевидно также, что у Кубалова не просматривается единого и четкого композиционного принципа, если не преувеличивать здесь значение генеалогии нартовских героев, теряющей актуальность после появления на свет главных действующих лиц (после раздела 3 «Рождение Батраза»).

Соответственно, здесь не приходится говорить и о какой-либо сравнительно новой, базирующейся на художественном потенциале нартиады, но выходящей за ее пределы идейной концепции; «Герои-нарты» не представляют собой идейно-эстетического «открытия», оригинальной трактовки, смещающей акценты исходного материала.

Наконец, не наблюдаем мы и цельности и последовательности стилистического и лексического плана, который у Кубалова включает разнородные элементы: аллюзии романтизма, обороты русской народной поэтической речи и просторечия, а также общекавказские наслоения.

Сравнительная (по отношению к оригиналу) качественная новизна кубаловского эпоса заключается только в его узко понимаемой стихотворной форме.

Итак, А.З. Кубалову не удалось придать алмазу эпоса совершенную огранку, построить композиционно сбалансированное и гармоничное повествование и избежать некоторых элементов того «хаоса», который он считал желательным преодолеть; на уровне языка, стиля и ритма Кубалов, оставаясь в рамках актуальных для него прецедентов, не передал самобытности осетинского оригинала.

Однако — вспомним здесь как нельзя более уместную здесь народную мудрость — «первый блин комом». Кубалов создал важный, далеко идущий прецедент, значение которого особенно зримо в контексте эпохи. Социально-политический

фон, включая буржуазную урбанизацию, придал особый смысл записи, переводам и обработкам нартовских сказаний. Так, помимо остального, Осетия спасала память своей навсегда уходящей, доурбанистической, домодернистской устной эпохи. Ибо город так же относится к деревне, как письменность — к устной речи. В условиях города живут только слухи и анекдоты, но не эпические сказания; здесь только рукописи — тем более русскоязычные — и не горят.

Особого внимания заслуживает именно транслингвальность феномена. Очевидно, что возникновение и развитие иноязычной литературной ветви менее связано с национальной устной поэтической традицией; однако столь же очевидно, что, будучи записаны и переведены, нартовские сказания сыграли большую роль в формировании в Осетии русскоязычной литературной поэтики и значительно повысили валентность осетинской культуры. Настоящее подробное рассмотрение, мы надеемся, имело смысл, но можно было бы и априори утверждать, что, какова бы ни была художественная ценность первых русскоязычных интерпретаций нартовских сказаний, их значение в истории осетинской литературы несомненно.

Список литературы

1. *Хугаев И.С.* Вторая жизнь нартов и даредзанов: очерк русскоязычных стихотворных переводов и обработок из осетинского народного эпоса // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 193–212. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212.
2. *Гостиева Л.К.* Документы об участии В.Ф. Миллера в культурной жизни Осетии // Известия СОИГСИ. 2020. Выпуск 37 (76). С. 163–185. DOI: 10.46698/e3684-5815-4670-g.
3. *Пфафф В.Б.* Материалы для древней истории осетин. Тифлис, 1871.
4. *Абаев В.И.* О собственных именах нартовского эпоса. Избранные труды: Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990.
5. *Кубалов А.З.* К вопросу о происхождении нартовских песен // А.З. Кубалов. Песни Кавказских горцев. Герои-нарты // А.З. Къубалты. Уацмыстæ (Кубалов А.З. Сочинения). Орджоникидзе: Ир, 1978.
6. *Кузнецов В.А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980.
7. *Цориева И.Т.* Осетиноведение в исторической ретроспективе // Известия СОИГСИ. 2012. № 7 (46). С. 14–25.
8. *Дзиццойты Ю.А.* К осетинско-персидским фольклорным связям // Nartamonga. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. 2017. Vol. XII, № 1, 2. С. 234–267.
9. *Сатцаев Э.Б.* Нартовский эпос и Иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
10. *Казази М., Сокаева Д.В., Изади О.* Шахнаме и нартовский эпос осетин: опыт сравнительного изучения символа // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2020. № 1 (17). С. 23–31. DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58363.
11. Из истории СОИГСИ им. В.И. Абаева // СОИГСИ 100 лет / под ред. З.В. Кануковой, С.Г. Кцоевой. Владикавказ: СОИГСИ, 2019.
12. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // Абаев В.И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990.
13. *Мамиева Н.К.* Сатана в осетинском нартовском эпосе (типология образа, проблема его эволюции). Орджоникидзе: Изд-во НИИ, 1971.

14. *Дзиццойты Ю.А.* Из сакральной лексики осетинского языка // Nartamonga. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. 2019. Vol. XIV, № 1, 2. С. 221—236. DOI: 10.23671/VNC.2019.1-2.41844.
15. *Мамонова В.А.* Историография нартского эпоса осетин: Культурологический аспект: автореф. дисс... канд. культурологии. СПб., 2004.
16. *Гостиева Л.К.* Из истории записи и публикаций осетинского Нартовского эпоса в 1920-е—1930-е гг. // Вопросы литературы и фольклора. 2018. № 10-1. С. 47—59.
17. *Джусойты Н.Г.* Къубалты Алыксандр (Александр Кубалов) // А.З. Къубалты. Уацмыстае (Кубалов А.З. Сочинения). Орджоникидзе: Ир, 1978.
18. *Домезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
19. *Гостиева Л.К.* Из истории записи и публикации осетинского Нартовского эпоса в дореволюционный период // Нартоведение в XXI веке. Современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Вып. 4. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2017. С. 5—17.
20. *Пропп В.Я.* Нарты. Эпос осетинского народа Издание подготовили В.И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р.А. Ивнев и Б.А. Калоев. Изд. АН СССР, 1957. 401 с. // Пропп В.Я. Собрание трудов. Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. С. 351—357.

References

1. Khugaev, I.S. 2022. Vtoraya zhizn' Nartov i Daredzanov: ocherk russkoyazychnyh stihotvornyh perevodov i obrabotok iz osetinskogo narodnogo eposa. In Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki. T. 19. № 2: 193-212. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212.
2. Gostieva, L.K. 2020. Dokumenty ob uchastii V.F. Millera v kul'turnoj zhizni Osetii. In Izvestiya SOIGSI, 37 (76): 163-185. DOI: 10.46698/e3684-5815-4670-g.
3. Pfaff, V.B. 1871. Materialy dlya drevnej istorii osetin. Tiflis. Print. (In Russ.)
4. Abaev, V.I. 1990. O sobstvennyh imenah nartovskogo eposa. In Abaev V.I. Izbrannye trudy: Religiya. Fol'klor. Literatura. Vladikavkaz: Ir publ. Print. (In Russ.)
5. Kubalov, A.Z. 1978. K voprosu o proiskhozhdenii nartovskih pesen. In Kъubalty A.Z. Uacmyst (Kubalov A.Z. Sochineniya). Ordzhonikidze: Ir publ. Print. (In Russ.)
6. Kuznecov, V.A. 1980. Nartskij epos i nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda. Ordzhonikidze: Ir publ. Print. (In Russ.)
7. Tsorieva, I.T. 2012. Osetinovedenie v istoricheskoy retrospective. In Izvestiya SOIGSI, 7 (46): 14-25.
8. Dzigcojty, Yu.A. 2017. K osetinско-persidskim fol'klornym svyazyam. In Nartamonga. Zhurnal Alano-Osetinskih Issledovanij: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vol. XII, N 1, 2: 234-267.
9. Satcaev, E.B. 2008. Nartovskij epos i Iranskaya poema Shahname (skhodnye syuzhetnye motivy). Vladikavkaz: IPO SOIGSI publ. Print. (In Russ.)
10. Kazazi, M. Sokaeva D.V., Izadi O. 2020. Shahname i nartovskij epos osetin: opyt sravnitel'nogo izucheniya simvola. In Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Seriya Eposovedenie, 1 (17): 23-31. DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58363
11. Iz istorii SOIGSI im. V.I. Abaeva. 2019. In SOIGSI 100 let. / Pod red. Z.V. Kanukovoj, S.G. Koevoj. Vladikavkaz: SOIGSI publ. Print. (In Russ.)
12. Abaev, V.I., 1990. Nartovskij epos osetin. In Abaev V.I. Izbrannye trudy: Religiya. Fol'klor. Literatura. Vladikavkaz: Ir publ. Print. (In Russ.)
13. Mamieva, N.K. 1971. Satana v osetinskom nartskom epose (tipologiya obraza, problema ego evolyucii). Ordzhonikidze. NII publ. Print. (In Russ.)
14. Dzigcojty, Yu.A. 2019. Iz sakral'noj leksiki osetinskogo yazyka. In Nartamonga. Zhurnal Alano-Osetinskih Issledovanij: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vol. XIV, N 1, 2: 221-236. DOI: 10.23671/VNC.2019.1-2.41844.
15. Mamonova, V.A. 2004. Istoriografiya nartskogo eposa osetin: Kul'turologicheskij aspekt. Avtoref... diss. kand. kul'turologii. SPb.

16. Gostieva, L.K. 2018. Iz istorii zapisi i publikacij osetinskogo Nartovskogo eposa v 1920-e—1930-e gg. In *Voprosy literatury i fol'klora*, 10-1: 47-59.
17. Dzhusojty, N.G. 1978. Kubalty Alyksandr (Aleksandr Kubalov). In *Kubalty A.Z. Uacmystæ (Kubalov A.Z. Sochineniya)*. Ordzhonikidze: Ir: Ir publ. Print. (In Russ.)
18. Dumezil, J. 1976. *Osetinskij epos i mifologiya*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
19. Gostieva, L.K. 2017. Iz istorii zapisi i publikacii osetinskogo Nartovskogo eposa v dorevolucionnyj period. In *Nartovedenie v XXI veke. Sovremennye paradigmy i interpretacii: Cbornik nauchnyh trudov*. Vyp. 4: 5-17. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN.
20. Propp, V.Ya. 2002. *Narty. Epos osetinskogo naroda*. Izdanie podgotovili V.I. Abaev, N.G. Dzhusoev, R.A. Ivnev i B.A. Kaloev. Izd. AN SSSR, 1957. 401 s. In Propp, V.Ya. *Sobranie trudov. Fol'klor. Literatura. Istorija*. Moscow: Labirint publ. Print. (In Russ.). S. 351-357.

Сведения об авторе:

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник комплексного научно-исследовательского отдела Владикавказского научного центра Российской академии наук. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8838-5157

Bio Note:

Irlan Sergeevich Khugaev is a Ph.D. (Doctor of Letters), a Leading researcher of the Integrated Research Department of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8838-5157